

Научная статья | Original paper

Связь идентичности и просоциального поведения у современной российской молодежи

С.Д. Гуриева ✉, Т.Е. Ляпина, Е.А. Юмкина, А.В. Мальцева, Н.Е. Шилкина

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ gurievasv@gmail.com, s.gurieva@spbu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. *Просоциальное поведение, понимаемое как действия, направленные на благо других людей, группы или общества, связано с рядом позитивных социальных эффектов: от укрепления позитивного образа «я» до повышения внутригрупповой сплоченности. Готовность к просоциальным действиям опосредована социальной идентификацией и отражает особенности самоопределения индивида в различных социальных контекстах по отношению к представителям разных общностей. Характер этой взаимосвязи может варьироваться в зависимости от возраста и претерпевать наиболее активные изменения в период молодости. Вместе с тем в российском контексте отсутствуют комплексные исследования, посвященные трансформации связи социальных идентичностей с просоциальным поведением. Актуальность настоящего исследования связана с ростом дифференцирующих условий, что требует изучения факторов успешной социальной интеграции и формирования позитивных моделей поведения.*

Цель. *Изучить особенности связи идентичностей и просоциального поведения в разных возрастных группах современной российской молодежи.*

Гипотеза. *Предполагается, что (1) просоциальное поведение молодежи в большей степени связано с широкими групповыми идентичностями, (2) по мере взросления растет связь просоциального поведения и личной идентичности.*

Методы и материалы. *Общая выборка — 355 граждан России в возрасте от 18 до 35 лет. Методики: опросник «Аспекты идентичности» Чика и Бриггс (Cheek, Briggs) в сокращенном виде; опросник «Идентификация с человечеством» МакФарленда (McFarland); опросник «Измерение просоциальных тенденций» Карло и Рэндалла (Carlo, Randall); анкета социально-демографических показателей. Проверка гипотез проводится при помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и регрессионного анализа.*

Результаты. *Выявлены различия в структуре связей идентичности и просоциального поведения в различных возрастных группах: с возрастом расширяется число форм просоциального поведения, связанного с гражданской идентичностью. Также изменяется связь реляционной идентичности с конформной и альтруистической просоциальностью, появляется связь с личной идентичностью.*

Выводы. *«Молодежь» целесообразно исследовать дифференцированно, учитывая динамичное изменение ее социально-психологических характеристик в зависимости от социальной ситуации развития. По мере взросления растет связь просоциального поведения с*

личностными структурами, отражающими опыт группового взаимодействия, а позднее к ним добавляется ориентация на личные цели и ценности.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, поведение, просоциальное поведение, молодежь, современная российская молодежь

Финансирование. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2 «Моделирование устойчивых конструктов гражданской идентичности российской молодежи как механизма трансфера духовно-нравственных ценностей» (ID PURE 116230058).

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/246>

Для цитаты: Гуриева, С.Д., Ляпина, Т.Е., Юмкина, Е.А., Мальцева, А.В., Шилкина, Н.Е. (2026). Связь идентичности и просоциального поведения у современной российской молодежи. *Социальная психология и общество*, 17(1), 112–131. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170107>

The relationship between identity and prosocial behavior among contemporary Russian youth

S.D. Gurieva ✉, T.E. Liapina, E.A. Yumkina, A.V. Maltseva, N.E. Shilkina
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ gurievasv@gmail.com, s.gurieva@spbu.ru

Abstract

Context and Relevance. Prosocial behavior, defined as actions aimed at benefiting other individuals, groups, or society as a whole, is associated with a range of positive social outcomes, from strengthening a positive self-image to enhancing intragroup cohesion. Readiness to engage in prosocial actions is mediated by social identification and reflects the ways in which individuals define themselves across different social contexts in relation to members of various social groups. The nature of this relationship may vary across age groups and undergo particularly pronounced changes during youth. However, in the Russian context, there is a lack of comprehensive studies examining the transformation of the relationship between social identities and prosocial behavior. The relevance of this research is determined by the increasing differentiation of environmental factors, which necessitates the study of conditions enabling successful social integration and the formation of positive behavioral models.

Objective. To examine the nature of the relationship between different forms of identity and prosocial behavior across various age groups within the contemporary Russian youth population.

Hypotheses. It is hypothesized that (1) the prosocial behavior of youth is primarily associated with broad group identities, and (2) as youth mature, the relationship between prosocial behavior and personal identity becomes stronger.

Methods and Materials. The overall sample consists of 355 Russian citizens aged 18 to 35. The following instruments were used: the abbreviated version of the Cheek and Briggs “Aspects of Identity” questionnaire; McFarland’s “Identification with All Humanity” scale; Carlo and Randall’s “Prosocial Tendencies Measure”; and a socio-demographic indicators survey. Hypotheses were tested using one-way analysis of variance (ANOVA) and regression analysis.

Results. *Differences were identified in the structure of relationships between identity and prosocial behavior among different age groups. With increasing age, the number of prosocial behavioral forms associated with civic identity expands. In addition, the relationship of relational identity to conformist and altruistic forms of prosociality changes; a connection with personal identity emerges.*

Conclusion. *It is advisable to study “youth” as a differentiated group, considering the dynamic transformation of their socio-psychological characteristics depending on the social situation of development. As individuals age, the connection between prosocial behavior and personal structures reflecting group experience grows stronger; later, orientation toward personal goals and values is added to these structures.*

Keywords: *identity, civic identity, behavior, prosocial behavior, youth, contemporary Russian youth*

Funding. The work was carried out with the support of Saint Petersburg State University, project code 124032600013-2 “Modeling stable constructs of civic identity of Russian youth as a mechanism for transferring spiritual and moral values” (ID PURE 116230058).

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/246>.

For citation: Gurieva, S.D., Liapina, T.E., Yumkina, E.A., Maltseva, A.V., Shilkina, N.E. (2026). The relationship between identity and prosocial behavior among contemporary Russian youth. *Social Psychology and Society*, 17(1), 112–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170107>

Введение

Фундаментальный вклад в изучение феномена идентичности внес Э. Эрикссон (Эрикссон, 2006), разработавший теорию психосоциальной идентичности и подчеркивающий важность изучения социального контекста в формировании идентичности, особенно молодежи. Психосоциальная идентичность формируется сквозь призму соотнесения себя с социумом и является основой для усвоения и функционирования социальных установок. В настоящее время изучением идентичности и просоциального поведения занимаются многие исследователи (Кисляков, 2019; Полюшкевич, 2023; Chui et al., 2025; Муращенкова и др., 2022). Значительное число работ посвящено рассмотрению связи этих феноменов у молодежи (Hardy, Kisling, 2006; Xiao, Shi, Liew, 2023; Kanacri et al., 2014). Это объясняется

тем, что временной период, который охватывается понятием «молодежь», характеризуется процессами самоопределения, началом активной трудовой и семейной жизни. То, с какими социальными общностями идентифицирует себя молодежь, на какой круг людей в связи с этим распространяется ее готовность помогать, относится к актуальным вопросам в решении проблемы консолидации современного российского общества.

Идентичность рассматривается в литературе как характеристика самосознания личности, в содержании которой фиксируется, с одной стороны, состояние внутренней целостности, а с другой — соотнесенности и интегрированности с различными социокультурными контекстами (Тхостов, Рассказова, 2012; Белинская, 2018). В зависимости от характеристик этих контекстов опи-

сывается широкое разнообразие идентичностей: личностная, полоролевая, социальная, гражданская, этническая, культурная и др. С другой стороны, С. Харди (S. Hardy) рассматривает большое разнообразие видов просоциального поведения: уступчивое, публичное, анонимное, экстренное, эмоциональное и альтруистическое (Hardy, 2005). Просоциальное поведение определяется как добровольное поведение, которое призвано приносить пользу другому человеку, группе, обществу (Ильин, 2011).

Соотношение идентичности и просоциального поведения может быть рассмотрено как взаимосвязь между самоопределением человеком себя в различных социальных контекстах и его готовностью помогать представителям различных социальных общностей. Анализ научной литературы показывает, что сопоставление этих феноменов является предметом анализа многих исследований. Так, например, в исследованиях, посвященных изучению молодежи, установлен ряд важных умозаключений. В рамках статусной теории идентичности (Дж. Марсиа) отмечается, что диффузная идентичность отрицательно, а достигнутая положительно связаны с просоциальным поведением студентов (Hardy, Kisling, 2006). При этом осмысление молодыми людьми универсальных моральных норм и включение их в систему самоопределения является наиболее достоверным предиктором просоциального поведения (Hardy, Nadal, Schwartz, 2017). Посредническую роль в связи идентичности и просоциального поведения у молодежи играет также развитие общей способности к саморефлексии (Saki, Oztas, 2024) и временной

перспективы (Chui et al., 2025), т.е. горизонта планирования своих действий. В русле теории социальной идентичности показано, что альтруистическое межгрупповое поведение (которое является противоположным групповому фаворитизму) у молодых людей отрицательно связано с ориентацией на социальное доминирование и положительно — с выраженностью ценностей Самопреодоления (т.е. с принятием других людей как равных себе, заботой о них) (Ефремова, Бульцева, 2020), моральными обязательствами и чувством принадлежности к учебной/рабочей группе, т.е. такой группе, которая объединяла бы людей из различных аутгрупп значимой целью (Xiao, Shi, Liew, 2023). Важную роль в поддержке позитивной динамики в сторону большей зрелости и определенности как чувства идентичности, так и просоциального поведения играют благоприятные отношения в первичной группе социализации (т.е. в семье) (Kapastí et al., 2014). Перечисленные данные показывают, что связь между идентичностью и просоциальным поведением является динамичной и опосредуется изменениями социальных отношений молодых людей (как в первичных, так и во вторичных группах социализации). При этом отмечается, что характер идентичности в этом возрасте может проявляться с иными формами поведения: так, например, были обнаружены связи компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей с транслируемыми современной студенческой молодежью миграционными намерениями и активностью (Муращенкова и др., 2022).

Исследователи, как правило, строят свои выводы относительно обобщенной

группы молодежи, возрастные границы которой варьируются от 15 до 30–35 лет (Загребин, 2014). Между тем Л.С. Выготский считал не вполне правомерным растягивать границы детства и юности. В своей статье «Проблема возраста» периодизация детства завершается им выделением пубертатного возраста с 14 до 18 лет, в котором на 17 лет приходится критический период (Выготский, 1984, с. 256), а интервал с 18 до 25 лет отнесен Л.С. Выготским к категории юности (как первой стадии зрелого возраста), где развитие высших психических функций начинается происходить по иным закономерностям, чем в детстве (Выготский, 1984, с. 255). В этой связи категория молодежи представляется особенно неоднозначной, потому как по своим возрастным границам она охватывает верхний интервал детства и начальный интервал зрелости. В методологическом отношении это означает, что характер взаимосвязи между идентичностью и просоциальным поведением у молодежи необходимо анализировать в сравнительно возрастном плане. Если детство было описано Л.С. Выготским и его учениками довольно подробно, то период ранней зрелости с точки зрения новообразований долгое время оставался практически не разработанным.

Одним из центральных теоретических понятий в работах Л.С. Выготского при характеристике возраста является «социальная ситуация развития» как «система отношений ребенка данного возраста с социальной действительностью» (Выготский, 1984, с. 260). Сохранение системы отношений позволяет выделять стабильный возраст, тогда как ее изменение — критический. Принципиально важно в контексте рассматри-

ваемой нами проблемы положение о том, что «в основе психического развития лежит прежде всего эволюция поведения и интересов ребенка, изменение структуры направленности его поведения» (Выготский, 1984, с. 7). Это утверждение дает основание предполагать существование различий в направленности просоциального поведения личности молодых людей в связи с различиями в структуре их идентичности. Объективным критерием в размежевании этих отличий и выступает смена социальной ситуации развития.

О социальной ситуации развития в пубертатном возрасте известно следующее: в силу полового созревания меняется характер отношений в первичной группе социализации (возрастает критичность к авторитетам семьи), преобразуются отношения в коллективе сверстников. Кризис 17-летия сопровождается включением в совершенно новую учебную среду вуза (Хомова, 2012). Кроме того, появляется первый опыт романтической привязанности. Во внутреннем плане личности: кардинально меняется структура интересов с выделением центрального, наиболее устойчивого; формируется понятийное мышление, отличающееся пока контрастностью и противоречивостью; происходит осмысление общественно-политического устройства; развивается самовосприятие, самонаблюдение (Бурева, 2013, с. 61–65).

В ранней зрелости относительно стабильный период обучения в вузе (18–23 года) вновь сменяется довольно напряженным началом непосредственной профессиональной деятельности (23–27 лет), образованием социальных связей в трудовом коллективе, освоением семейных и родительских ролей (Захарова, 2015), пре-

образованием отношений в родительской семье и вновь созданной, собственной (Гуриева и др., 2024). Во внутреннем плане отмечается большая роль сознательного регулирования в перестройках системы мотивов (Шляпникова, 2009).

Рассмотренные характеристики социальной ситуации развития, а также опора на диалектический подход к возрастному развитию личности (характерный для генетической психологии Л.С. Выготского) позволяют нам выдвинуть предположение о существовании двух возрастных тенденций в группе молодежи: (1) с одной стороны, просоциальное поведение в большей степени связано с интегральными структурами идентичности, обобщающими знания и переживания себя в контексте широких социальных групп, а (2) с другой стороны, по мере взросления просоциальное поведение больше опосредуется личными целями и ценностями. На подтверждение выдвинутых гипотез направлено данное эмпирическое исследование.

Материалы и методы

Выборка и процедура исследования.

Современная российская молодежь характеризуется как социальная группа с особыми психологическими и социальными чертами. Выборка была собрана в сервисе «Яндекс Формы» и составила 355 человек. Все респонденты были разделены по принципу $M \pm SD$ на 3 группы по возрастному признаку. К первой группе были отнесены 58 респондентов ($n1 = 58$) в возрасте 18–19 лет ($M = 18,40$, $SD = 0,50$), ко второй – 245 респондентов ($n2 = 245$) 20–26 лет ($M = 22,36$, $SD = 1,73$), третью группу составили 52 респондента ($n3 = 52$) в возрасте от 27 до 35 лет ($M = 29,60$, $SD = 2,75$). Подробное описание социально-демографических характеристик выборки, отражающих наиболее значимые показатели социальной ситуации развития по возрастным группам, представлено в табл. 1.

Таким образом, преимущественно выборку составили студенты, совмещаю-

Таблица 1 / Table 1

Социально-демографические характеристики выборки Socio-demographic characteristics of the sample

Характеристика / Characteristic	Группа 1 ($n1 = 58$) / Group 1 ($n1 = 58$)	Группа 2 ($n2 = 245$) / Group 2 ($n2 = 245$)	Группа 3 ($n3 = 52$) / Group 3 ($n3 = 52$)
Пол / Sex			
Женский / Female	44 (75,86%)	211 (86,12%)	43 (82,69%)
Мужской / Male	14 (24,14%)	34 (13,88%)	9 (17,31%)
Уровень образования / Educational level			
Среднее общее / Secondary general education	26 (44,83%)	14 (5,71%)	3 (5,77%)
Среднее профессиональное / Secondary vocational education	11 (18,96%)	12 (4,90%)	4 (7,69%)
Неполное высшее / Incomplete higher education	19 (32,76%)	106 (43,26%)	4 (7,69%)

Характеристика / Characteristic	Группа 1 (n1 = 58) / Group 1 (n1 = 58)	Группа 2 (n2 = 245) / Group 2 (n2 = 245)	Группа 3 (n3 = 52) / Group 3 (n3 = 52)
Высшее I степени (бакалавриат) / Bachelor's degree	2 (3,45%)	67 (27,35%)	12 (23,08%)
Высшее II степени (специалитет/магистратура) / Specialty/Master's degree	0 (0%)	45 (18,37%)	26 (50%)
Высшее III степени (ученая степень) / Academic degree	0 (0%)	1 (0,41%)	3 (5,77%)
Характер занятости / The nature of employment			
Школьник / School student	3 (5,17%)	0 (0%)	0 (0%)
Студент колледжа / College student	3 (5,17%)	1 (0,41%)	0 (0%)
Студент вуза / University student	39 (67,25%)	93 (37,96%)	3 (5,77%)
Работающий / Working	1 (1,72%)	57 (23,26%)	37 (71,15%)
Временно не работает / Temporarily out of work	0 (0%)	18 (7,35%)	7 (13,46%)
Обучается в колледже и работает / Studying at a college and working	5 (8,62%)	3 (1,22%)	0 (0%)
Обучается в вузе и работает / Studying at a univer- sity and working	7 (12,07%)	73 (29,80%)	5 (9,62%)
Семейное положение / Marital status			
Не состоит в отношениях / Not in a relationship	35 (60,35%)	122 (49,79%)	12 (23,08%)
Состоит в официально незарегистрированном браке / In an officially unregistered marriage	22 (37,93%)	99 (40,41%)	20 (38,46%)
Состоит в официально зарегистрированном бра- ке / In an officially registered marriage	1 (1,72%)	23 (9,39%)	19 (36,54%)
Разведен/разведена / Divorced	0 (0%)	1 (0,41%)	1 (1,92%)
Наличие детей / The presence of children			
Нет детей / No children	57 (98,28%)	237 (96,74%)	42 (80,77%)
Есть один ребенок / Has 1 child	1 (1,72%)	8 (3,26%)	6 (11,54%)
Есть 2 ребенка / Has 2 children	0 (0%)	0 (0%)	4 (7,69%)
Уровень дохода / Income level			
Низкий / Low	6 (10,35%)	20 (8,16%)	2 (3,85%)
Ниже среднего / Below average	7 (12,07%)	40 (16,33%)	5 (9,62%)
Средний / Average	36 (62,07%)	148 (60,41%)	40 (76,92%)
Выше среднего / Above average	8 (13,79%)	35 (14,28%)	4 (7,69%)
Высокий / High	1 (1,72%)	2 (0,82%)	1 (1,92%)

щие учебу с работой, не имеющие семьи и детей, со средним уровнем дохода или ниже среднего.

Методики. Каждому респонденту предлагалось заполнить пакет диагностических методов. Измерение различных сторон идентичности осуществлялось с помощью сокращенной версии опросника «Аспекты идентичности» (Aspects of Identity, AIQ-IV) (J. Cheek, S. Briggs) в адаптации А.Е. Войскунского и коллег. Из оригинальной методики, состоящей из 45 пунктов и включающей 6 шкал, были взяты 35, относящихся к 4 шкалам, не затрагивающим объективные природные аспекты идентичности (пол, возраст и пр.): личной, реляционной, социальной, коллективной идентичности (Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013). Для определения уровня выраженности когнитивного и эмоционального компонентов гражданской идентичности использовались соответствующие шкалы методики «Идентификация с человечеством» (IWHN) С. МакФарленда в адаптации Т.А. Нестика (Нестик, 2017). Формы просоциального поведения оценивались при помощи опросника «Измерение просоциальных тенденций» (Карло, Рэндалл) в адаптации Н.В. Кухтовой (Кухтова, Доморацкая, 2011). Социально-демографические характеристики респондентов были отражены в анкете.

Обработка и анализ данных. Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью программы JASP 0.19.3. Применялись методы описательной статистики, проводился анализ надежности шкал (коэффициент ω -Макдоналда), проверка различий в группах осуществлялась при помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) с расчетом апосте-

риорных сравнений (t -критерий). Для определения связей показателей идентичности и просоциального поведения в трех возрастных группах применялся регрессионный анализ (с учетом количества предикторов и численности групп была выбрана линейная модель с пошаговым включением переменных). С учетом однородности анализируемых групп по численности были проведены сенситивный анализ мощности выборок, а также проверка на равенство дисперсий, подтвердившие адекватность применения выбранного метода.

Результаты

Для измеряемых параметров была проведена проверка нормальности распределения по возрастным группам. В результате было установлено, что используемые шкалы распределены нормально или имеют отклонение, допускающее применение ANOVA (Schmider, Ziegler, 2010; Blanca Mena et al., 2017). Для выявления различий по характеристикам идентичности и просоциального поведения в трех возрастных группах был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с апостериорными сравнениями (t -тест, p -уровень с поправкой Tukey). Все шкалы удовлетворяли допущению о гомогенности дисперсий. Обнаруженные различия приведены в табл. 2.

Первая группа (18–19 лет) отличается более высокими показателями коллективной и гражданской идентичностей, характеризующими соотношение себя с малыми (такими, как семья) и большими социальными общностями (такими, как россияне, граждане России). Они в большей степени, чем моло-

Таблица 2 / Table 2

Различия значений шкал в разных возрастных группах
Differences in scale values across age groups

Критерий / Criteria	Группа 1 / Group 1		Группа 2 / Group 2		Группа 3 / Group 3		Различия групп / Group differences	p_{tukey}
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>		
«Аспекты идентичности» / “Aspects of Identity”								
Коллективная идентичность / Collective identity	23,09	6,40	20,23	6,07	18,50	5,09	1 – 2 1 – 3	0,004 < 0,001
«Идентификация с человечеством» / “Identification with all humanity”								
Гражданская идентичность / Civic identity	28,17	6,94	25,62	6,62	24,33	6,08	1 – 2 1 – 3	0,023 0,007
Когнитивный аспект гражданской идентичности / The cognitive aspect of civic identity	14,38	3,08	13,56	2,91	12,64	2,50	1 – 3	0,036
Эмоциональный аспект гражданской идентичности / The emotional aspect of civic identity	13,79	3,54	12,06	3,34	11,69	3,49	1 – 2 1 – 3	0,002 0,004
«Измерение просоциальных тенденций» / “Measuring prosocial tendencies”								
Эмоциональное просоциальное поведение / Emotional prosocial behavior	17,85	3,25	16,94	3,28	16,06	3,36	1 – 3	0,013
Экстремное просоциальное поведение / Extreme prosocial behavior	11,19	1,91	10,32	2,13	10,42	2,25	1 – 2	0,015
Публичное просоциальное поведение / Public prosocial behavior	11,10	3,51	10,31	3,18	9,44	3,24	1 – 3	0,021
Конформное просоциальное поведение / Conformal prosocial behavior	7,02	1,50	6,36	1,50	6,17	1,52	1 – 2 1 – 3	0,009 0,010

Примечание: *M* – среднее, *SD* – стандартное отклонение.
Note: *M* – Mean, *SD* – Standard deviation.

дые люди из старшей возрастной группы, склонны к эмоционально окрашенному просоциальному поведению (мотивированному желанием эмоционально поддержать человека, облегчить его страдания) и имеют более высокие показатели

экстремного просоциального поведения (направленного на помощь человеку в чрезвычайной ситуации). Одновременно с этим молодежь младшей группы более склонна к конформному (в ответ на просьбу о помощи) и публичному просо-

циальному поведению (в ситуации, когда за действиями помощи наблюдают) в сравнении со старшей группой. Молодежь средней группы характеризуется промежуточными значениями практически всех параметров.

Для выявления связи параметров идентичности и форм просоциального поведения в разных возрастных группах молодежи был проведен регрессионный анализ. Важно отметить, что в соответствии с сензитивным анализом мощности (Giner-Sorolla et al., 2024) текущий объем выборок для 1 и 3 групп ($n = 52-58$) при пяти предикторах и вероятности ошибки I рода в 5% позволял со статистической мощностью в 80%, принятой нами в качестве минимального приемле-

мого уровня, обнаружить только эффекты, попадающие в диапазон умеренных или сильных взаимосвязей по классификации Дж. Коэна (Cohen). Иными словами, проведенный в этих группах анализ обладал достаточной чувствительностью к обнаружению сильных ($r \geq 0,50$) и умеренных ($0,30 \leq r < 0,50$) по выраженности связей, но сниженной чувствительностью к обнаружению слабых связей. Для второй группы ($n = 245$) аналогичный анализ обладал большей чувствительностью и позволял с приемлемым уровнем мощности обнаруживать в том числе слабые связи.

Полученные результаты регрессионного анализа для группы 1 (18–19 лет) представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3
Результаты линейной регрессии для группы 1 (18–19 лет)
Linear regression results for group 1 (18–19 years)

Шкалы / Scales	Коэффициенты β / Coefficients β Идентичности / Identities					Скоп. R^2 / Adjusted R^2
	Личностная / Personal	Реляционная / Relational	Социальная / Social	Коллективная / Collective	Гражданская / Civic	
Конформное ПП / Conform- ing PB	–	0,349**	–	–	–	0,106
Публичное ПП / Public PB	–	–	0,270*	–	–	0,056
Анонимное ПП / Anony- mous PB	–	–	–	–	0,376**	0,126
Экстренное ПП / Emer- gency PB	–	–	–	–	–	0,000
Эмоциональное ПП / Emotional PB	–	–	–	–	0,422***	0,164
Альтруистическое ПП / Altruistic PB	–	0,384**	–	–	–	0,132

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; ПП – просоциальное поведение.

Note: β – standardized regression coefficient; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; PB – prosocial behaviour.

Результаты показывают, что гражданская идентичность является наиболее сильным предиктором форм просоциального поведения (анонимного и эмоционального). Идентификация в близком кругу связана с альтруистическим, конформным и альтруистическим просоциальным поведением, а социальная идентичность опосредует публичные формы оказания помощи.

В группе 2 (20–26 лет) мы видим несколько иную картину связей (см. табл. 4).

Необходимо оговориться, что это может быть эффектом большего объема данной группы. Интересно, что гражданская идентичность является предиктором практически всех форм просоциального поведения, кроме публичного.

Реляционная идентичность опосредует конформное, анонимное, экстренное и эмоциональное просоциальное поведение. Социальная идентичность (как самоопределение через внешние атрибуты статуса) также связана с публичными формами оказания помощи, но отрицательно предсказывает бескорыстные стремления помогать. Коллективная идентичность (как самоопределение в категориях широкой культурной общности) выступает предиктором публичного просоциального поведения.

Корреляции, обнаруженные при анализе группы 3 (27–35 лет), отображены в табл. 5.

Как можно видеть, взаимосвязи в этой группе отличаются меньшей на-

Таблица 4 / Table 4
Результаты линейной регрессии для группы 2 (20–25 лет)
Linear regression results for group 2 (20–25 years)

Шкалы / Scales	Коэффициенты β / Coefficients β Идентичности / Identities					Скоп. R^2 / Adjusted R^2
	Личностная / Personal	Реляционная / Relational	Социальная / Social	Коллективная / Collective	Гражданская / Civic	
Конформное ПП / Conform- ing PB	—	0,250***	—	–0,208**	0,339***	0,150
Публичное ПП / Public PB	—	—	0,190**	0,151*	—	0,066
Анонимное ПП / Anony- mous PB	—	0,141*	—	—	0,408***	0,220
Экстренное ПП / Emer- gency PB	—	0,241***	—	—	0,381***	0,261
Эмоциональное ПП / Emotional PB	—	0,255***	—	—	0,230***	0,152
Альтруистическое ПП / Altruistic PB	—	—	–0,191**	—	0,353***	0,080

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; ПП – просоциальное поведение.

Note: β – standardized regression coefficient; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; PB – prosocial behaviour.

Таблица 5 / Table 5

Результаты линейной регрессии для группы 3 (27–35 лет)
Linear regression results for group 3 (27–35 years)

Шкалы / Scales	Коэффициенты β / Coefficients β Идентичности / Identities					Скоп. R^2 / Adjusted R^2
	Личност- ная / Personal	Реляци- онная / Relational	Соци- альная / Social	Коллек- тивная / Collective	Граждан- ская / Civic	
Конформное ПП / Con- forming PB	–	–	–	–	0,387**	0,133
Публичное ПП / Public PB	–	–	–	0,297*	–	0,070
Анонимное ПП / Anony- mous PB	–	–	–	–	0,302*	0,073
Экстренное ПП / Emer- gency PB	–	–	–	–	0,345*	0,101
Эмоциональное ПП / Emotional PB	0,430**	–	–	–	–	0,169
Альтруистическое ПП / Altruistic PB	–	0,434**	–0,320*	–	–	0,206

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; ПП – просоциальное поведение.

Note: β – standardized regression coefficient; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; PB – prosocial behaviour.

сыщенностью. Показатель гражданской идентичности выступает предиктором наибольшего числа форм просоциального поведения (конформного, анонимного и экстренного). Реляционная идентичность опосредует альтруистическое стремление оказывать помощь. Личностная идентичность (как самоопределение в категориях уникальности и внутренней целостности) является предиктором эмоционального просоциального поведения. Коллективная идентичность связана с публичными формами помощи.

Сравнивая все три группы, отметим, что наиболее контрастными являются первая и третья. Во второй группе видны общие моменты как с первой, так и с третьей. Если в первой группе просоциаль-

ное поведение в равной степени связано с чувством принадлежности и к близкому окружению, и к сообществу жителей страны, то в третьей гражданская идентичность явно выходит на первый план.

Обсуждение результатов

Обобщая полученные данные, отметим, что выявленная тенденция изменения выраженности различных аспектов просоциальности в зависимости от возраста в рассматриваемый нами период согласуется с данными других авторов (Pollerhoff et al., 2024). Обращение к теоретическим положениям теории Л.С. Выготского позволяет нам объяснить специфику связи просоциального поведения с различными сторонами идентичности.

Введение возрастной градации молодежи с учетом объективных характеристик социальной ситуации развития (образование, занятость, семейное положение) дает возможность понять наблюдаемые отличия связей в возрастных срезах.

Младшая возрастная группа (18–19 лет) характеризуется активной вовлеченностью в учебную деятельность в системе высшего образования. На этот период приходится формирование как более системного общенаучного, так и более специализированного профессионального мировоззрения. Молодые люди еще не создали устойчивых семейных связей. Следовательно, учебная деятельность, являясь доминантой социальной ситуации развития данного периода, способствует также активному соотношению себя со своими соотечественниками. При этом альтруистическое поведение сфокусировано на ближайшем кругу. Публичные формы помощи имеют менее зрелое опосредование идентификацией с внешними атрибутами значимых для молодежи социальных групп, что не противоречит результатам других авторов (Antonova, Levchenko, Porova, 2025).

Для средней возрастной группы (20–26 лет) характерен ряд активных преобразований в социальных связях (завершение 1 ступени высшего образования, выбор дальнейшей траектории профессионального развития, начало семейной жизни). В контексте концепции Л.С. Выготского данный период может быть соотношен с критическим. Наши результаты показывают большее значение механизмов идентификации как с более широкой (гражданская идентичность), так и с более узкой (реляционная идентичность) группами в опосредовании просоциаль-

ного поведения. Можно предположить, что в этот период большее значение приобретает механизм эмпатии не только в ближнем кругу, но и к коллегам, а также к незнакомым людям в расширенной ин-группе (Canioz, Coskun, 2019). В дальнейшем возрастные кризисы приобретают большую временную вариативность и индивидуальную специфику, поэтому переход от группы 20–26 к 27–35 может быть более мягким и не демонстрировать ярких различий в характеристиках идентичности и просоциальности.

Социальная ситуация у старшей возрастной группы (27–35 года) отличается большей включенностью в построение карьеры, накоплением профессионального опыта. Большая часть наших респондентов состоит в зарегистрированном браке. Вероятно, этим объясняется и большая дифференцированность связей идентичности и просоциального поведения. Так, более ресурсозатратное, эмоциональное просоциальное поведение опосредуется личными ценностями и целями (в отличие от младшей группы, в которой оно связано с гражданской идентичностью), тогда как нормативные формы просоциального поведения (помощь в ответ на просьбу, в экстренных обстоятельствах) связаны с показателем идентификации с гражданами России. Возможно, это является признаком интериоризации универсальных нравственных норм (Xiao, Shi, Liew, 2023).

В результате сравнения связей различных аспектов идентичности с просоциальным поведением становится заметно, что в более младшем возрасте меньшее значение имеет личная идентичность, большее — реляционная, т.е.

ориентированная на близкие, межличностные отношения. Формы просоциального поведения, с которыми она коррелирует, больше связаны с внешними стимулами (конформное просоциальное поведение) и ценностным компонентом (альтруистическое просоциальное поведение) (Hardy, Nadal, Schwartz, 2017). В промежуточный период к реляционному аспекту добавляется растущая роль коллективного и социального аспектов идентичности. В это время связей с просоциальностью становится больше всего, и она имеет наиболее полимотивированный характер. Значимая роль межличностных связей для просоциальности сохраняется и у старшей группы, но к ней добавляется ориентация на личную идентичность. Ценностное отношение к близкому человеку (супругу, другу) направляет большую эмоциональную включенность в его жизнь. Таким образом, в общей картине можно наблюдать постепенный переход от более выраженной внешне детерминированной связи идентичности и форм просоциальности к большей ориентации на внутренние компоненты самосознания и поведение, мотивированные собственной эмоциональной оценкой ситуации.

Интересные данные касаются связей просоциального поведения с идентификацией с широкими социальными общностями: если в младшей группе она опосредуется когнитивным (т.е. познавательным) компонентом гражданской идентичности, то в средней группе ведущую роль занимает переживание молодыми людьми своей сопричастности к гражданам страны. В старшей группе эти связи включаются в более обобщенный показатель идентичности.

Заключение

Возвращаясь к сформулированным в начале статьи гипотезам о специфике связей идентичности и просоциального поведения в контексте возрастной градации молодежи, мы можем в первом приближении ответить на них утвердительно. Наши данные показали, что просоциальное поведение с возрастом становится связанным с более интегрированными структурами идентичности, обобщающими знания и опыт взаимодействия молодых людей в разнообразных социальных общностях. Одновременно с этим важным фактором опосредования просоциального поведения является осмысление себя уникальной личностью, осознание личных целей и ценностей. Весьма эвристичным в анализе динамики просоциального поведения оказывается рассмотрение его с точки зрения концепта социальной ситуации развития как главного критерия деления возраста по Л.С. Выготскому. Объяснение этого сдвига укладывается в другой концепт генетической психологии, а именно — в понятие индивидуации как внутренней переработки личностью социального опыта (Чеснокова, 2008). Учитывая некоторые ограничения нашего исследования (сравнительно небольшая численность групп молодежи младшего и старшего возрастного интервала; использование опросных форм; преобладание женщин), перспективными направлениями дальнейшего развития этой темы являются расширение выборки, достижение сбалансированности по возрастам и полу, а также включение в анализ групп собственно зрелости и поздней зрелости. Кроме этого, методическую базу можно было бы дополнить

инструментами оценки субъективных аспектов социальной ситуации развития (ценностей, целей).

В прикладном плане результаты данного исследования могут быть полезны при разработке более адресных и эффективных программ работы с молодежью как на уровне государственной политики, так и на уровне индивидуально-психологической работы. Так, если в более младшем возрасте в силу преобладания познавательной активности для развития просоциальной направленности более эффективными могут быть грамотно выстроенное просвещение и создание возможностей для широкой волонтерской деятельности, то в более старшем возрасте, возможно, больший эффект может быть достигнут через глубинную рефлексию нравственных норм в контексте реализации молодым человеком общественно-значимых ценностей в своих семейных и профессиональных отношениях.

Ограничения. Проведение дальнейших исследований должно быть сопряжено с решением возникших ограничений: недостаточно большой численностью групп молодежи младшего и старшего возрастного интервала, смещенностью выборки по половому и возрастному со-

ставу, низким количеством респондентов с детьми.

Следует учитывать, что операционализация гражданской идентичности сопряжена с категориями «сопереживание» и «желание помочь», что описывает эмоциональный компонент идентичности, но может исказить обнаруженную связь.

Кроме того, поскольку просоциальное поведение и социальные идентичности исследовались при помощи самоотчетных методик, невозможно проконтролировать проявление социальной желательности.

Limitations. Further research should address the limitations identified in the present study, including the insufficient size of the younger and older youth cohorts, the gender and age imbalance of the sample, and the relatively low number of respondents with children.

It should also be taken into account that the operationalization of civic identity was associated with the categories of “empathy” and “willingness to help,” which capture the emotional component of identity but may distort the observed relationship.

Moreover, since prosocial behavior and social identities were examined using self-report measures, it was not possible to control for the effects of social desirability.

Список источников / References

1. Белинская, Е.П. (2018). Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
Belinskaya, E.P. (2018). Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 8(1), 6–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
2. Бураева, Н.В. (2013). Теоретические аспекты становления юношеского самосознания. *Современные технологии в образовании*, 13, 20–27.

- Buraeva, N.V. (2013). Theoretical aspects of the formation of youth self-awareness. *Modern Technologies in Education*, 13, 20–27. (In Russ.).
3. Войскунский, А.Е., Евдокименко, А.С., Федунина, Н.Ю. (2013). Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 98–121.
Voiskunsky, A.E., Evdokimenko, A.S., Fedunina, N.Yu. (2013). Online and Real-Life Identity: A Comparative Study. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(2), 98–121. (In Russ.).
4. Выготский, Л.С. (1984). *Собрание сочинений: В 6 т.: Том 4. Детская психология*. М.: Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1984). *Collected Works: In 6 vols.: Vol. 4. Child psychology*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
5. Гуриева, С.Д., Юмкина, Е.А., Васина, Е.А., Кузнецова, И.В. (2024). Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ. *Социальная психология и общество*, 15(3), 38–59. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>
Gurieva, S.D., Yumkina, E.A., Vasina, E.A., Kuznetsova, I.V. (2024). Value Orientations in a Family: a SocioPsychological Analysis. *Social Psychology and Society*, 15(3), 38–59. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303> (In Russ.).
6. Ефремова, М.В., Бульцева, М.А. (2020). Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах. *Социальная психология и общество*, 11(1), 107–126. doi:10.17759/sps.2020110107
Efremova, M.V., Bultseva, M.A. (2020). The relationship between individual values and prosocial behavior in an online and offline contexts. *Social Psychology and Society*, 11(1), 107–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110107>. (In Russ.).
7. Загребин, В.В. (2014). Подходы к определению категории «молодежь». *Концепт*, (2), 26–30.
Zagrebin, V.V. (2014). Approaches to “youth” category definition. *Concept*, (2), 26–30. (In Russ.).
8. Захарова, Е.И. (2015). Освоение родительской позиции как траектория возрастнопсихологического развития в зрелом возрасте. *Педагогическое образование в России*, 11, 151–156.
Zakharova, E.I. (2015). Mastering the position of a parent as a trajectory of age and psychological development in adulthood. *Pedagogical Education in Russia*, 11, 151–156. (In Russ.).
9. Ильин, Е.П. (2011). *Мотивация и мотивы*. СПб.: Питер.
Ilyin, E.P. (2011). *Motivation and Motives*. St. Petersburg: Piter.
10. Кисляков, П.А. (2019). Системно-личностные детерминанты безопасного просоциального поведения личности. *Системная психология и социология*, 4(32), 79–91. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.07>
Kislyakov, P.A. (2019). System-Personal Determinants of Safe Prosocial Behavior. *Systems Psychology and Sociology*, 4(32), 79–91. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.07> (In Russ.).
11. Кухтова, Н.В., Доморацкая, Н.В. (2011). Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения. *Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*.
Kuchtova, N.V., Domoratskaya, N.V. (2011). Prosocial behavior in the structure of professionally important qualities of specialists helping professions. *Vitebsk: Educational institution “VSU named after P.M. Masherov”*. (In Russ.).

12. Ляпина, Т.Е., Юмкина, Е.А., Гуриева, С.Д., Гриценко, В.В. (2025). *База данных для изучения связи идентичности и просоциального поведения российской молодежи: Набор данных*. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. М. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/n53t-825e-3x47>
Liapina, T.E., Yumkina, E.A., Gurieva, S.D., Gritsenko, V.V. (2025). *Database for studying the relationship between identity and prosocial behavior of Russian youth: Dataset*. RusPsyData: Repository of psychological research and tools. (In Russ.). <https://doi.org/10.48612/MSUPE/n53t-825e-3x47>
13. Мурашенкова, Н.В., Гриценко, В.В., Калинина, Н.В., Ефременкова, М.Н., Кулеш, Е.В., Константинов, В.В., Гуриева, С.Д., Маленова, А.Ю. (2022). Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. *Культурно-историческая психология*, 18(3), 113–123. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
Murashcenkova, N.V., Gritsenko, V.V., Efremenkova, M.N., Kalinina, N.V., Kulesh, E.V., Konstantinov, V.V., Gurieva, S.D., Malenova, A.Yu. (2022). Ethnic, Civic, and Global Identities as Predictors of Emigration Activity of Student Youth in Belarus, Kazakhstan, and Russia. *Cultural-Historical Psychology*, 18(3), 113–123. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
14. Нестик, Т.А. (2017). Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 2(4), 145–185.
Nestik, T. (2017). Global identity as a socio-psychological phenomenon: a theoretical and empirical study. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2(4), 145–185. (In Russ.).
15. Полюшкевич, О.А. (2023). Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках. *Социология*, (1), 79–85.
Polyushkevich, O.A. (2023). Morality and social identity in pro-social practices. *Sociology*, (1), 79–85. (In Russ.).
16. Тхостов, А.Ш., Рассказова, Е.И. (2012). Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода. *Психологические исследования*, 5(26), 2–2. <https://doi.org/10.54359/ps.v5i26.741>
Tkhostov, A.S., Rasskazova, E.I. (2012). Identity as a Psychological Construct: Opportunities and Limitations of the Interdisciplinary Approach. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 5(26), 2. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v5i26.741>
17. Хомова, Н.А. (2012). Социальная ситуация развития современного студенчества. *Мир науки, культуры, образования*, (5), 176–178.
Khomova, N.A. Development of social intellect in student age. *The World of Science, Culture, and Education*, (5), 176–178. (In Russ.).
18. Чеснокова, А.Г. (2008). Проблема общего и индивидуального в творчестве Л.С. Выготского: между эмпиризмом и диалектикой. *Культурно-историческая психология*, 4(12), 39–49.
Chesnokova, A.G. (2008). The Problem of the General and the Individual in L.S. Vygotsky's Work: Between Empiricism and Dialectics. *Cultural-Historical Psychology*, 4(2), 39–49. (In Russ.).
19. Шляпникова, И.А. (2009). Социальная ситуация развития в период средней зрелости. *Психология. Психофизиология*, 5(138), 87–96.
Shlyapnikova, I.A. (2009). Social situation of development in middle adulthood. *Psychology. Psychophysiology*, 5(138), 87–96. (In Russ.).
20. Эрикссон, Э.Х. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, Флинта, МПСИ.

- Erikson, E.H. (2006). *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress, Flinta, MPSI.
21. Antonova, N.L., Levchenko, I.E., Popova, N.G. (2025). Phenomenon of Altruism: Current Youth Perceptions from the Historical and Sociological Perspectives. *Changing Societies & Personalities*, 9(1), 120–142. <https://doi.org/10.15826/csp.2025.9.1.321>
 22. Blanca Mena, M.J., Alarcón Postigo, R., Arnau Gras, J., Bono Cabré, R., Bendayan, R. (2017). Non-normal data: Is ANOVA still a valid option? *Psicothema*, 29(4), 552–557.
 23. Canioz, E.K., Coskun, H. (2019). The impact of social identity and empathy on helping behavior: the moderator role of empathy. *International Journal of Scientific and Technological Research*, 5(12), 314–323. <https://doi.org/10.7176/JSTR/5-12-35>
 24. Chui, R.C.F., Li, H., Chan, C.K., Siu, N.Y.F., Cheung, R.W.L., Li, W.O., Xu, N. (2025). Prosocial Behaviour, Individualism, and Future Orientation of Chinese Youth: The Role of Identity Status as a Moderator. *Behavioral Sciences*, 15(2), 193. <https://doi.org/10.3390/bs15020193>
 25. Giner-Sorolla, R., Montoya, A.K., Reifman, A., Carpenter, T., Lewis Jr, N.A., Aberson, C.L., Bostyn, D.H., Conrique, B.G., Ng, B.W., Schoemann, A.M. (2024). Power to detect what? Considerations for planning and evaluating sample size. *Personality and Social Psychology Review*, 28(3), 276–301. <https://doi.org/10.1177/10888683241228328>
 26. Hardy, S.A. (2005). *Identity as a source of prosocial motivation in young adulthood*. Diss. Dr. Psychol. The University of Nebraska-Lincoln.
 27. Hardy, S.A., Kislung, J.W. (2006). Identity statuses and prosocial behaviors in young adulthood: A brief report. *Identity*, 6(4), 363–369. https://doi.org/10.1207/s1532706xid0604_4
 28. Hardy, S.A., Nadal, A.R., Schwartz, S.J. (2017). The integration of personal identity, religious identity, and moral identity in emerging adulthood. *Identity*, 17(2), 96–107. <https://doi.org/10.1080/15283488.2017.1305905>
 29. Kanacri, B.P.L., Pastorelli, C., Zuffiano, A., Eisenberg, N., Ceravolo, R., Caprara, G.V. (2014). Trajectories of prosocial behaviors conducive to civic outcomes during the transition to adulthood: The predictive role of family dynamics. *Journal of Adolescence*, 37(8), 1529–1539. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2014.07.002>
 30. Pollerhoff, L., Reindel, D.F., Kanske, P., Li, S.C., Reiter, A.M.F. (2024). Age differences in prosociality across the adult lifespan: A meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 165(1), 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2024.105843>
 31. Saki, U., Oztas, M. (2024). The effect of prosocial behaviour manageability on conscious awareness in university athletes: The mediating role of athlete identity. *Journal of ROL Sport Sciences*, 5(4), 750–763. <https://doi.org/10.70736/jrolss.469>
 32. Schmider, E., Ziegler, M., Danay, E., Beyer, L., Bühner, M. (2010). Is it really robust? *Methodology*, 6(4), 147–151. <https://doi.org/10.1027/1614-2241/a000016>
 33. Xiao, S.X., Shi, Q., Liew, J. (2023). Young adults' intergroup prosocial behavior and its associations with social dominance orientation, social identities, prosocial moral obligation, and belongingness. *Journal of Social and Personal Relationships*, 40(9), 2809–2831 <https://doi.org/10.1177/02654075221096398>

Информация об авторах

Светлана Дзахотевна Гуриева, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievav@spbu.ru

Гуриева С.Д., Ляпина Т.Е., Юмкина Е.А.,
Мальцева А.В., Шилкина Н.Е. (2026)
Связь идентичности и просоциального поведения...
Социальная психология и общество,
17(1), 112–131.

Gurieva S.D., Liapina T.E., Yumkina E.A.,
Maltseva A.V., Shilkina N.E. (2026)
The relationship between identity and prosocial...
Social Psychology and Society,
17(1), 112–131.

Татьяна Евгеньевна Ляпина, аспирант кафедры социальной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7170-7823>, e-mail: tlyapina2001@bk.ru

Екатерина Анатольевна Юмкина, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Анна Васильевна Мальцева, доктор социологических наук, профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>, e-mail: a.maltseva@spbu.ru

Наталья Егоровна Шилкина, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>, e-mail: n.shilkina@spbu.ru

Information about the authors

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievsv@spbu.ru

Tatiana E. Liapina, Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7170-7823>, e-mail: tlyapina2001@bk.ru

Ekaterina A. Yumkina, Candidate of Science (Psychology), Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Anna V. Maltseva, Doctor of Science (Sociology), Professor of the Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>, e-mail: a.maltseva@spbu.ru

Natalia E. Shilkina, Doctor of Science (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>, e-mail: n.shilkina@spbu.ru

Вклад авторов

Гуриева С.Д. — идеи и план исследования; работа с источниками по теме исследования.

Ляпина Т.Е. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных.

Юмкина Е.А. — аннотирование, теоретический анализ, оформление рукописи, визуализация результатов исследования.

Мальцева А.В. — подготовка репозитория, оформление сопроводительных документов.

Шилкина Н.Е. — работа с текстом статьи, вычитка, редакция, корректура.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Authors contribution

Svetlana D. Gurieva – ideas; planning of the research.

Tatiana E. Liapina – application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis.

Ekaterina A. Yumkina – annotation, theoretical analysis, design of the manuscript; visualization of research results.

Anna V. Maltseva – preparation of the repository, preparation of accompanying documents.

Natalia E. Shilkina – work with the text of the article, editing, proofreading.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом Санкт-Петербургского государственного университета (протокол № 02-283 от 18.09.2024 г.). Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics Statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Saint Petersburg State University (Protocol No. 02-283 dated September 18, 2024). Written informed consent to participate in this study was provided by respondents.

Поступила в редакцию 29.07.2025

Поступила после рецензирования 02.11.2025

Принята к публикации 19.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.07.29

Revised 2025.11.02

Accepted 2026.03.19

Published 2026.03.30